

Людмила Сараскина

Вольные мысли о «горниле сомнений»

Опубликовано в:

Достоевский и мировая культура. Альманах № 32.

СПб.: Серебряный век, 2014. С. 84–110.

В разное время нашей жизни нам открываются те страницы книг, которые более всего соответствуют состоянию души. Сразу и одновременно все страницы не открываются, кажется, никому и никогда. Читая Достоевского уже много лет, без больших пауз и переключений, я отдаю себе отчет в том, какие именно страницы открываются мне в тот или иной момент бытия. Последние годы, находясь чаще всего в полемическом настроении, я обращаю внимание не столько на знакомые и знаковые евангельские строки у Достоевского (чем успешно занимаются многие коллеги), сколько на мотивы его раздумий и сомнений по поводу веры.

Сомнение – это такое состояние ума, когда невозможно сделать однозначный вывод, это фундаментальное отличие мыслящей природы, необходимая ступень и главный инструмент всякого научного знания, и, может быть, путь к мудрости. Душа не может не мыслить, а значит, не может не сомневаться.

«Подвергай все сомнению», – настоятельно рекомендовал в XVII веке Рене Декарт, основываясь на древнегреческой школе скептицизма. «Сомневаюсь, следовательно существую» – так он формулировал важнейшую истину, обозначившую качественный поворот европейской философии Нового времени. В более общем виде этот тезис звучит так: «Мыслю, следовательно существую» – *cogito, ergo sum*. Мышление является неотъемлемым свойством души. Душа не может не мыслить, а значит, не может не сомневаться.

Надо отдать должное отваге Декарта, получившего религиозное образование у иезуитов: его философия радикального сомнения развивалась на фоне сугубого свирепства европейской инквизиции, которая считала страшным грехом смотреть на небо в трубу, под страхом смерти запрещала гелиоцентризм, едва не замучила Галилея и всю жизнь травила самого Декарта, обвиняя в ересь и проклиная за вольнодумство, а вскоре после его кончины внесла основные сочинения Декарта в пресловутый «Индекс». (Замечу, что приговор суда над Галилеем Ватикан отменил лишь в 1972 году. И только еще через 20 лет папа Иоанн Павел II признал и приговор, и процесс ошибкой. Почти 360 лет Галилей официально считался еретиком!)

Есть и другая, распространенная и популярная, точка зрения: сомнение – яд замедленного действия, вор нашего бытия, злостный враг человека, живущего духовной жизнью. Сомнение растаскивает и разбрасывает все его драгоценное внутреннее богатство. В духовной жизни рассуждающий ум

бесплезен, а сомнение вообще вредно. Оно уничтожает психическую энергию. Оно есть могила сердца, начало безобразия. Оно открывает доступ тьме¹.

«Всё делайте без ропота и сомнения», – говорит апостол Павел (Фил. 2: 14). «Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1 Тим. 2: 8). Впрочем, в этом же послании апостол призывает молиться за царей и всех начальствующих, дабы проводить жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2: 1–2), а также свидетельствует о правилах женского поведения: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (1 Тим. 2: 11–12). «Сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой; Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Иак. 1: 6–8), – говорится в Соборном послании апостола Иакова.

Легко можно увидеть, что эти заветы весьма плохо или совсем не исполняются сегодня в странах христианской культуры. Женщины отнюдь не пребывают в безмолвии – они активно учатся сами и преподают науки, в том числе и мужчинам; работают в медицине, занимаются политикой, руководят предприятиями и организациями; вопрос о покорности мужьям как частный и интимный оставляю открытым. И так было не только в XIX, но даже и в XVII веке. Как сообщал С.М. Соловьев со ссылкой на митрополита Димитрия Ростовского, вера православная и в его эпоху была не равна сама себе. «Окаянные последние времена наши! — писал митрополит. — Святая церковь сильно стеснена, умалена, с одной стороны, от внешних гонителей, с другой – от внутренних раскольников. С трудом можно где найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и бабы догматизируют и учат о вере»².

Что же касается людей с двоящимися мыслями, даже с двоящимся сознанием, то очевидно: все герои Достоевского – именно такие люди, и писатель, как мы знаем, гордился тем, что идея двойника принадлежит ему и что Голядкин – его «главнейший подпольный тип» (21; 264). «Серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил» (26; 65), – признавался Достоевский в «Дневнике писателя», сетуя только на неудавшуюся форму, но никак не на идею: «В 46-м году этой формы я не нашел и повести не осилил» (Там же).

Человеком с двоящимися мыслями, истинным мучеником веры был и Л.Н. Толстой. «Как же я могу, – писал он в «Исследовании догматического богословия», – верить этой церкви и верить ей тогда, когда на глубочайшие вопросы о своей душе она отвечает жалкими обманами и нелепостями и еще утверждает, что иначе отвечать на эти вопросы никто не должен сметь, что во

¹ См., напр.: *Спирина Н.Д.* Психическая энергия. Накопление и расточение // [Электронный ресурс] URL: <http://www.mifologija.ru/india/sommen.shtml>

² *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён: В 15-ти кн. М.: Соцэргиз, 1959–1966. Кн. 8 (тт. 15–16). 1962. С. 340.

всем том, что составляет самое драгоценное в моей жизни, я не должен сметь руководиться ничем иным, как только ее указаниями. *Цвет панталон я могу выбрать, жену могу выбрать, дом построить по моему вкусу, но остальное, то самое, в чем я чувствую себя человеком, во всем том я должен спроситься у них – у этих праздных и обманывающих и невежественных людей.* В своей жизни, в святыне своей у меня руководитель – пастырь, мой приходский священник, выпущенный из семинарии, одуренный, полуграмотный мальчик, или пьющий старик, которого одна забота – собрать побольше яиц и копеек. Велят они, чтобы на молитве дьякон половину времени кричал многая лета правоверной, благочестивой блуднице Екатерине II или благочестивейшему разбойнику, убийце Петру, который кощунствовал на Евангелии, и я должен молиться об этом. Велят они проклясть, и пережечь, и перевешать моих братьев, и я должен за ними кричать анафема; велят эти люди моих братьев считать проклятыми, и я кричи анафема. Велят мне ходить пить вино из ложечки и клясться, что это не вино, а тело и кровь, и я должен делать. Да ведь это ужасно!»³

Делом веры считал Толстой только жизнь по вере. «И жизнь одна выше всего и не может быть подчинена ничему, кроме Бога, познаваемого только жизнью»⁴.

«Исповедь» Толстого была запрещена духовной цензурой. Все произведения Толстого религиозного характера, включая повесть «Отец Сергей», главы «Воскресения», где речь идет об евхаристии, – были запрещены в России. Людей, распространявших его сочинения, ссылали и сажали, но самого Толстого не трогали, – такова была иезуитская тактика Победоносцева. Это не добавляло гармонии, не снижало уровень сомнений Толстого и его русских читателей.

1

Как определял себя Достоевский относительно такого состояния ума, как сомнение?

Вот его знаменитейшее высказывание – в середине жизни:

«Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя *неверия и сомнения* до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких *страшных мучений* стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне *доводов противных*» (281; 176; курсив мой. – Л.С.).

Достоевский – родное дитя новоевропейской философии, новоевропейской традиции.

А вот его слова в конце жизни, в январе 1881 года:

«И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла, как говорит у меня же, в том же романе,

³ Толстой Л.Н. Исследование догматического богословия. Заключение // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 23. Произведения 1879–1884 гг. 1957. С. 296–297. Курсив мой. – Л.С.

⁴ Там же. С. 303.

черт» (27; 86).

Эту фразу можно и произнести, и услышать двояко:

«Через большое горнило сомнений моя осанна **прошла**». То есть прошла – и делу конец, радость о свершившемся спасении громогласно пропета.

Или: «Через **большое горнило сомнений** моя осанна прошла» – с акцентом на «горниле сомнений».

Я читаю и слышу ее именно так. Интонационно: «Не как мальчик же я верую, а через большое горнило сомнений...»

Но самое главное: Достоевский всегда думал не только о своей личной осанне, о своем личном спасении, но и об осанне, которую пройдет (или не пройдет?) Россия. И очень боялся, что не пройдет. Что золотой век, может, и в кармане, но в кармане ненадежном, ветхом, а то и дырявом.

Сошлюсь на А.И. Солженицына, свидетеля и хроникера XX века – не столько в аспекте спасения России, сколько в ракурсе ее поражения, обвала, гибели: «Приходится признать, – пишет он, – что весь XX век жестоко проигран нашей страной; достижения, о которых трубили, все – мнимые... Мы сидим на разорище»⁵. И в другом месте: «Не уклонимся осознать и страшней: русский народ в целом потерпел в долготе XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное»⁶.

Солженицын, преклоняясь перед пророческим даром Достоевского, много раз проверял его мысли о России на соответствие истории. «Достоевский несколько преувеличил миф о святом русском простом человеке, – считает Солженицын. – Мне пришлось... рассматривая картины революции, увидеть противоположное. Сплошное безумие охватывает массу, все начинают грабить, бить, ломать и убивать так, как это бывает именно в революцию. И этого святого “богоносца”, каким его видел Достоевский, как будто вообще не стало. Это не значит, что нет таких отдельных людей, они есть, но они залиты красной волной революции»⁷.

Уже и XXI век идет полным ходом, но падение не остановлено, напротив, оно обрело новый пугающий вектор – опасную смесь якобы традиционного православия и агрессивного кондового сталинизма, двуглавых орлов, крестов и красных звезд, церковных песнопений и советского гимна. Достоевский мечтал: «Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» (22; 31). Вот его человеческие приоритеты, его триада, и это совсем не то же самое, что «самодержавие, православие и народность». Но даже и эту сакраментальную формулу, ставшую идеологическим обоснованием «теории официальной народности», которую провозгласил в 1832 году ее автор, товарищ министра народного просвещения

⁵ Солженицын А. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А. Публицистика. В трех томах. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995–1997. Т. 1. 1995. С. 562.

⁶ Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. С. 200.

⁷ Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Шпигель». Кавендиш, 9 октября 1987 // Солженицын А. Публицистика. В трех томах. Т. 3. 1997. С. 288.

граф С.С. Уваров, ныне не без ехидного намека на «толстые обстоятельства» дерзкая пресса переименовывает в «*православие, самодержавие и доходность*»⁸.

Сомнения и дwoящиеся мысли не покинули Россию; в стране вопиющего, устойчивого социального неравенства и всеильной власти денег осанна не обретается.

Вернусь к цитате о горниле сомнений. Обычно этот фрагмент цитируется без упоминаний Черта. Но Черт, то есть больная фантазия Ивана Карамазова, его умственная рефлексия здесь как раз на месте, ибо фрагмент, где Черт говорит про осанну, написан года на два раньше, чем про нее Достоевский сказал от своего имени. И Черт объясняет: «Для жизни мало одной “осанны”, надо, чтоб “осанна”-то эта переходила чрез горнило сомнений, ну и так далее, в этом роде» (15; 77).

Черт признается и в другом: «Люблю с купцами и попами париться. Моя мечта это – воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит. Мой идеал – войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца, ей богу так. Тогда предел моим страданиям» (15; 73–74).

Черт не унимается: «Ты вечно сердишься, тебе бы всё только ума, а я опять-таки повторю тебе, что я отдал бы всю эту надзвездную жизнь, все чины и почести за то только, чтобы воплотиться в душу семипудовой купчихи и Богу свечки ставить» (15; 77).

Черт полон иронии: «Ну и страдают, конечно, но... всё же зато живут, живут реально, не фантастически; ибо страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие: всё обратилось бы в один бесконечный молебен: оно свято, но скучновато» (Там же).

Замечу: не получалось так жить ни у героев Достоевского, ни у него самого. Не давалась им жизнь с душой семипудовой купчихи, с бесконечными молебнами и их скучноватой святостью.

Оставалось страдать и испытывать мучения от своих сомнений и жажды верить. Черт как больная фантазия Ивана тоже одержим жаждой верить. Он говорит Ивану: «Я одной с тобой философии...» (Там же). Черт-то как раз и цитирует афоризм Рене Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую» (Там же). «Остальное для меня не доказано» (Там же).

Кстати сказать, Декарт, автор метода радикального сомнения в философии, подвергался многолетней травле за вольнодумство, а вскоре после смерти философа (1650) основные его сочинения были внесены в пресловутый «Индекс», а Людовик XIV специальным указом запретил преподавание философии Декарта («*картезианства*») во всех учебных заведениях Франции.

⁸ См., напр.: *Архангельский А.* Центр Питера – под охраной, окраины – под вопросом. Видеоклонка РИА Новости от 28.01.2011 // [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/videocolumns/20110128/327589372.html>; *Гринберг Р.С.* Куда нас зовут «Православие. Самодержавие. Доходность» // Независимая газета. 2014. 24 июня; *Травин Д.* Самодержавие, православие, доходность // [Электронный ресурс] URL: http://slon.ru/world/samoderzhavie_pravoslavie_dohodnost-285954.xhtm.

Спустя два десятилетия после публикации романа «Братья Карамазовы» гениальный ученик и интерпретатор Достоевского В.В. Розанов публично объявит на собрании Религиозно-философского общества: «Я верующий, но с кое-какими недоумениями. Я много блуждал в вере туда и сюда, но отчего? Куда мне было пойти... с моим сомнением?»⁹

Он считал, что «допросы» православия возникают только у людей едкого, нервного ума, *потревоженного духа*¹⁰. И получалось, по Розанову, что «правильное», официальное христианство держится холодностью, равнодушием. Многие русские собеседники-богоискатели ищут Бога, в которого, как Шатов у Достоевского, они неистово *хотят* верить. «Страшное дело: “стойте, не шевелитесь, – не *горячитесь*, главное – не *горячитесь*: иначе все рассыплется”, – вот лозунг времен, лозунг *религии, Церкви!*.. От этого выходит, что “впадали в ересь” все “горячо веровавшие”: поразительная черта в Христианстве!»¹¹

Толстого, вместе с Достоевским и Гоголем, Розанов причисляет к великим мистикам нашей литературы¹², хотя Толстой и разошелся с Церковью бесповоротно («Они не понимали друг друга; даже не знали»¹³).

Герой «Красного Колеса», недавний толстовец, горестно размышляет: «Вот этого выражения никак не могу понять: Церковь – никогда ни в чём не виновата? Католики и протестанты режут друг друга, мы – старообрядцев, – а Церковь ни в чём не грешна? А мы все в совокупности, живые и умершие за три столетия, – разве не русская Церковь? Я и говорю: все мы. Почему не раскаяться, что все мы совершили преступление?»¹⁴ И вот еще один тяжкий аргумент о судьбе старообрядцев: «Как мы могли истоптать лучшую часть своего племени? Как мы могли разваливать их часовенки, а сами спокойно молиться и быть в ладу с Господом? Урезать им языки и уши! И не признать своей вины до сих пор?»¹⁵ За что же лучшие русские жизненные силы были загнаны в подполье, в ссылку, в огонь? Зачем Церковь теребила государство и требовала ужесточений, едва только само государство смягчало гонения староверов? «А доносчикам выплачивались барыши с продажи вотчин и лавок?»¹⁶

На вопросы бывшего толстовца ни у кого нет ответа...

Русская интеллигенция, провозглашая Толстого творцом нового христианства, выражала общую тоску неудовлетворенности официальным православием. Поиск *правильной* веры в православной стране (уже много веков

⁹ См.: Записки Петербургских религиозно-философских собраний. 1901–1903. М.: Республика, 2005. С. 40.

¹⁰ Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Религия и культура. Сб. статей: В 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 253–254.

¹¹ Розанов В.В. Русская Церковь // Розанов В.В. Религия и культура. Сб. статей: В 2-х т. Т. 1. С. 354.

¹² Розанов В.В. Смысл аскетизма // Там же. С. 225.

¹³ Розанов В.В. Русская Церковь // Там же. С. 357.

¹⁴ Солженицын А.И. Красное Колесо. Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Глава 5 // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 20 т. Вермонт; Париж: YMCA-PRESS, 1978–1991. Т. 13. 1983. С. 61–62.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Там же.

имевшей *правильную* веру!) становился явлением повседневным, на чем сходились и отшатнувшийся народ, и беспокойная интеллигенция. Но получалось так, что неверующий, который помалкивает, предпочтительней для официальной церкви, чем тот, кто ищет веру во всеуслышание. Богоискательство вызывало раздражение – зачем что-то искать, когда все давно найдено?

Потревоженный дух человека ищет смысла в мировой истории, в историческом христианстве, в судьбах веры и истины. Зачем каждое исповедание настаивает на своей исключительности и единственной правоте? От этого только быстрее, сокрушительней падает вера, уже и повсеместно. И снова тянет свою мелодию герой «Красного Колеса»: «Как же можно предположить, чтобы Господь оставил на участь неправоверия все дальние раскинутые племена, чтобы за всю историю Земли в одном только месте был просвещён один малый народ, потом надоумлены соседи его – и никогда никто больше? Так и оставлены жёлтый и чёрный континенты и все острова – погибать? Были и у них свои пророки – и что ж они – не от единого Бога? И те народы обречены на вечную тьму лишь потому, что не перенимают превосходную нашу веру? Христианин – разве может так понимать?»¹⁷

Эта мысль – будто ответ Ивану Шатову, обманутому богоискателю, которого убедили, будто всякий народ до тех пор только и народ, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что Своим Богом победит и изгонит из мира всех остальных богов.

2

Мучения, страдания, горнило сомнений – вот то, что больше всего убеждает в честности и искренности Достоевского, когда он пишет о вере. То есть он верует не как семипудовая купчиха и не как несмышленный мальчик, а как закаленный в раздумьях и сомнениях муж. Наличие такой закалки и есть, по всей видимости, критерий истинности веры.

Достоевский с огромным сочувствием относится к метаниям атеистического духа. «Один **страдающий неверием** атеист, – пишет он во вступительном слове к литературному чтению отрывка «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых» (30 декабря 1979 года), – в одну из **мучительных минут** своих сочиняет дику фантастическую поэму... Один брат, **атеист**, рассказывает сюжет своей поэмы другому» (15; 198).

Никаких порицаний или оскорблений, никакого проклятия или отвращения – ни в словах, ни в мыслях, ни в чувствах, строго по завету старца Зосимы: «Не ненавидьте атеистов...» (14; 149).

Достоевский стремился убедить и Каткова, и Победоносцева в том, что идейный выбор Ивана Карамазова – это умонастроение не «одной только подпольной нигилитины», а **большинства мыслящих молодых людей**, поклоняющихся социализму, и поэтому поставленный в романе вопрос «как

¹⁷ Соловьев А.И. Красное Колесо. Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Глава 6 // Там же. С. 73.

веруеши али вовсе не веруеши?» (14; 213) никак не изменяет реализму.

Достоевский не боялся спорить с влиятельнейшим при дворе чиновником (Победоносцев вот-вот должен был стать обер-прокурором Святейшего Синода – русским «папой» и «великим инквизитором», как его заочно станут называть в России, быть может, не без влияния «Братьев Карамазовых») – о смысле реформ и итогах преобразований, о мерах, применяемых к нигилистам, о язвах государственной системы.

«Ваш “Великий инквизитор” произвел на меня сильное впечатление. Мало что я читал столь сильное. Только я ждал – откуда будет отпор, возражение и разъяснение – но еще не дождался»¹⁸, – писал Победоносцев Достоевскому 16 августа 1879 года.

Проницательный Константин Петрович, ощутив колоссальный отрицательный заряд «Великого инквизитора», но не зная, что автор ему противопоставит, задавал *необходимейший* вопрос: появится ли в романе *достаточный* ответ – пусть не большей, но хотя бы равной мощи.

В дни похорон Достоевского Победоносцев сообщит Ивану Аксакову, что автор «Братьев Карамазовых» задумывал Зосиму по его указаниям, во время их вечерних встреч по субботам. Письмо Достоевского Победоносцеву от 24 августа 1879 года (писатель ответил Победоносцеву спустя семнадцать дней после того, как отослал в редакцию «Русского вестника» шестую книгу романа «Русский инок») полностью опровергает самоуверенные притязания чиновника.

«Мнение Ваше о прочитанном в “Карамазовых” мне очень польстило (насчет силы и энергии написанного), но Вы тут же задаете *необходимейший* вопрос: что ответу на все эти атеистические положения у меня пока не оказалось, а их надо. То-то и есть и в этом-то теперь моя забота и всё мое беспокойство. Ибо ответом на всю эту *отрицательную сторону* я и предположил быть вот этой 6-й книге, “Русский инок”, которая появится 31 августа. А потому и трепещу за нее в том смысле: будет ли она *достаточным* ответом. Тем более, что ответ-то ведь не прямой, не на положения прежде выраженные (в “В<еликом> инквизиторе” и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо противоположное выше выраженному мировоззрению, – но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине. Вот это меня и беспокоит, то есть буду ли понятен и достигну ли хоть каплю цели. А тут вдобавок еще обязанности художественности: потребовалось представить фигуру скромную и величественную, между тем жизнь полна комизма и только величественна лишь в внутреннем смысле ее, так что поневоле из-за художественных требований принужден был в биографии моего инока коснуться и самых пошловатых сторон, чтоб не повредить художественному реализму. Затем есть несколько поучений инока, на которые прямо закричат, что они абсурдны, ибо слишком восторженны. Конечно, они абсурдны в обыденном смысле, но в смысле ином, внутреннем, кажется, справедливы. Во всяком случае очень беспокоюсь и очень

¹⁸ См.: Литературное наследство. Т. 15. С. 139.

бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большою любовью» (301; 121–122).

Имеет смысл подробно проанализировать основные пункты этого письма.

Первое. Победоносцев не знает заранее, кто из персонажей романа и как именно будет возражать отрицателю Ивану Карамазову на его поэму.

Второе: не в том дело, объясняет автор, что поучения Зосимы могли показаться слабыми и нежизненными, а в том, что ответы старца были направлены *не буквально* на идеи Великого инквизитора, а *косвенно*, «не по пунктам, а в художественной картине».

Третье, и главное: «Жизнь полна комизма...» Это была простая до гениальности художественная формула Достоевского. Она свидетельствовала, что жизнь не терпит выпрямления и подчинения идеологии, согласно догме и канону. Она не склоняется ни перед каким диктатом, полна решимости отвергать его и смеяться над ним. Писатель дерзал выступать с декларацией своей свободы и независимости перед лицом могущественного чиновника, который претендует на духовное руководство и ожидает от ведомого и пасомого (как ему кажется) писателя нормативного, канонического отпора: страдающему атеисту Ивану его оппоненты в романе должны были ответить, что называется, наотмашь и сразить наповал. А Достоевский давал понять, пусть осторожно и деликатно, что не станет подчиняться установке. Это был протест мастера против насилия над художественной волей, которая для Достоевского была и оставалась превыше всего. Художник в нем побеждал всегда, и в поединке с Победоносцевым, который был лишен художественного дара, автор «Братьев Карамазовых» одержал несомненную победу, которую, надо признать, верховный идеолог принял в тот момент без упреков и нареканий.

Далее Достоевский, уже особенно не деликатничая, заявлял о своих неотменимых приоритетах: «Поневоле из-за художественных требований принужден был в биографии моего инока коснуться и самых пошловатых сторон, чтоб не повредить художественному реализму» (301; 122).

«Пошловатого» (в данном контексте вульгарного, сниженного, банального) много не только в биографии Зосимы, но и вообще в романе: и как старец «провонял», и как этот «поступок» был воспринят в стенах монастыря и в городской среде. И как, выйдя из монастыря, стал выглядеть Алеша: как «все» приличные молодые люди, ничего особенного. «Здесь кстати заметим, что Алеша очень изменился с тех пор, как мы его оставили: он сбросил подрясник и носил теперь прекрасно сшитый сюртук, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Всё это очень его скрасило, и смотрел он совсем красавчиком. Миловидное лицо его имело всегда веселый вид, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная» (14; 478).

«Смотрел он совсем красавчиком», – сказано, кажется, не без иронии, ибо жизнь действительно полна комизма...

Художественный реализм у Достоевского – это вольная птаха, она не терпит клетки. Можно было много раз видеть на титуле его книг надпись:

«Дозволено цензурой». Но увидеть надпись: «Печатается по благословию...» было невозможно. Достоевский, как и другие русские писатели-классики XIX столетия, обходился без руководящих санкций, а всё брал на свои плечи, на свою духовную и нравственную ответственность.

«Жизнь полна комизма», – сказал Достоевский будто в свое оправдание, за то что обманул ожидания Победоносцева, обошелся без его одобрения, положился только на свое разумение. Но одна такая «санкция» – как бы в насмешку – все же проскользнула в его последний роман. Семинарист Михаил Ракитин успел написать брошюру, изданную епархиальным начальством, «Житие в Бозе почившего старца отца Зосимы». Читатель узнает о факте ее существования из допроса адвокатом Фетюковичем важнейшего свидетеля обвинения по делу Мити Карамазова; оказывается, адвокат успел прочесть брошюру семинариста Ракитина «с удовольствием» и представил суду ее краткий анонс: дескать, «Житие в Бозе...» полно «глубоких и религиозных мыслей, с превосходным и благочестивым посвящением преосвященному, чьим покровительством она успешно разошлась по епархии (15; 100).

Для всех, кто в зале суда знал Ракитина как отъявленного безбожника и циника, да и для самого Ракитина, сообщение Фетюковича, оглашенное в публичном месте, прозвучало как несомненный компромат, как разоблачение и даже как издевка. Первым это осознал сам Ракитин, обычно непробиваемо бесстыжий: «Я написал не для печати... это потом напечатали, – пробормотал Ракитин, как вдруг чем-то опешенный и почти со стыдом» (Там же). Но Фетюкович, ощутив, что безошибочно нащупал слабое место свидетеля, «дожал»: «Мыслитель, как вы, может и даже должен относиться весьма широко ко всякому общественному явлению. Покровительством преосвященного ваша полезнейшая брошюра разошлась и доставила относительную пользу...» (Там же).

Напомню, что в романе помещены (на правах чужой рукописи) обширные фрагменты из «Жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составленного с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым» (14; 260). То есть, карьерист-семинарист Ракитин сумел ловко «обскакать» Алешу, «перебить» его литературную работу – ведь это он, Алеша, любимый ученик Зосимы, по памяти записывал беседы с ним и некоторое время спустя по смерти учителя так составил рукопись, словно сам старец излагает свою жизнь в виде повести, обращенной к друзьям. Но в епархиальную печать пошел текст, изготовленный притким семинаристом и снабженный благословением духовного руководства: Ракитин, что называется, сумел подсуесться.

Важнейший свидетель обвинения оказывается свидетелем дутым, с подмоченной репутацией; лживые его показания про деньги от Грушеньки, в награду, что привел к ней Алешу, сводят на нет все его усилия. «Господин Ракитин сошел со сцены несколько подсаленный. Впечатление от высшего благородства его речи было-таки испорчено, и Фетюкович, провожая его глазами, как бы говорил, указывая публике: “вот дескать, каковы ваши

благородные обвинители!» (Там же). «Он у меня, уже у подсудимого, деньги таскал займы! Бернар презренный и карьерист, и в Бога не верует, преосвященного надул!» (15; 101) – кричит вслед Митя Карамазов; «Господин Ракитин был dokonчен» (Там же).

И приходится, перефразируя сказку Пушкина, сказать с укоризною: не гонялся б ты, «мыслитель», за благословениями...

3

Те двадцать пять лет, что прожил Победоносцев после Достоевского, показали новое лицо обер-прокурора. Он боялся споров и разногласий, боялся, что творческое обсуждение вопросов веры и Церкви приведет к протестантизму или безверию. Но все табу обер-прокурора, приверженца ледяного покоя, насаждавшего в общественной жизни России дух лукавого умолчания и двуличия, приводили лишь к «бездарному безмолвию». «Не надо» – было жизненным девизом Победоносцева.

П.И. Бирюков, биограф Л.Н. Толстого, цитирует черновую (не отправленную) версию послания писателя Николаю II от начала декабря 1900 года в защиту духовоборов. «...Из всех преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, – это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, – злодеем, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю – Победоносцевым. <...> Прогоните от себя этого злого и бездушного старика Победоносцева, который компрометирует вас и перед русским народом, и перед Европой, и перед историей, велите пересмотреть и уничтожить нелепые, противоестественные и позорные законы о гонениях за веру, которых нет ни в каких государствах и которые позорят тех, кто их поддерживает, прекратите всякие гонения за веру и верните всех сосланных, заключенных за то, что они исповедуют ту веру, которую даже не исповедуют ваши советчики, а только считают, что надобно исповедовать. Вы обязаны это сделать, потому что вы знаете, что гонение за веру дурно, и знаете, что десятки тысяч людей вашим именем подвергаются за веру страданиям, и знаете, что можете прекратить этот порядок вещей. Если же вы не сделаете этого, вы не можете не чувствовать себя виноватым, не можете спокойно отдаться никакому простому и доброму человеческому чувству: ни любви к семье, ни к людям, не можете спокойно пользоваться никакой радостью, не можете молиться...»¹⁹

Семья Толстого гневно упрекала Победоносцева в намерении обмануть современников писателя, солгать перед лицом истории. 1902 год: Толстой находился в Крыму и был очень болен, ожидали самого худшего. «...И вот, в самые тревожные минуты, которые переживались окружающими, последний акт Победоносцева, который показал этим, как мало он стеснялся средствами, состоял в том, что он отдал распоряжение местному духовенству, чтобы, как только станет известно о кончине Льва Николаевича, священник вошел в дом, занимаемый Л. Н-чем, <...> и, выйдя оттуда, объявил окружающим его и

¹⁹ Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого: В 4-х т. [3-е изд.] М.; Пг: Госиздат, 1923. Т. 4. С. 15–16.

дожидающимся у ворот лицам, что граф Толстой перед смертью покался, вернулся в лоно православной церкви, исповедался и причастился, и духовенство и церковь радуются возвращению в лоно церкви блудного сына. Эта чудовищная ложь должна была облететь всю Россию и весь мир и сделать то дело, которого не могла сделать за десятки лет ни русская цензура, ни гонения на сочинения Льва Николаевича»²⁰.

Из стратегии духовного безмолвия, жесткой цензуры, недостойных обманов складывался упрощенный тип православной церковности и церковной святости, обессиленных и уцененных: «осанна» за счет бездарной лжи и подтасовки таинств не наступала и наступить не могла. Толстой и многие его единомышленники не могли принять такого положения вещей, когда свой образ мыслей и свою веру люди будто сдавали на хранение в Синод, на попечение обер-прокурора. Победоносцеву же удалось внушить русскому духовенству, что простой народ спасается без всякого богословия, без всяких размышлений и без всякой культуры (и, уж конечно, без Толстого), спасается надежнее, чем не в меру пытливые и тем более сомневающиеся интеллигенты.

Как сложилась бы при таком обер-прокуроре судьба романа «Братья Карамазовы», где одним из главных героев выступал Великий инквизитор, где в центре обсуждения – отношения церкви и государства, где вопросы были столь же неудобны, как и ответы, где, кроме разрешенной осанны, так сильно присутствует и запрещенное обер-прокурором «горнило сомнений», где все точки зрения имеют суверенное право голоса, – об этом остается только гадать...

Хотя на самом деле ответ почти очевиден: Победоносцев, каким он был до 1881 года, смел только советовать Достоевскому предать огню бунтарские страницы романа²¹, позже он вряд ли разрешил бы печатать эти страницы, а то и весь роман. В статье из «Московского сборника» «Новое христианство без Христа» Победоносцев, не называя Достоевского, фактически обвиняет его сочинения в дурном влиянии на «толпу» восторженных читателей. «Когда идея – какая бы ни была – овладевает гениальным художником мышления и слова, он может приложить к ее развитию всю силу своего таланта и воздвигнуть на ней здание, поражающее красотой и стройностью логических выводов из мысли, в существе своем ложной. Но к распознаванию этой основной лжи неспособна толпа, увлеченная своим восторгом. А творец-художник, увлекаясь и своим созданием, и восторгом своих поклонников, сам входит мало-помалу в роль пророка, призванного обновить человечество новой идеей и рассылать во все

²⁰ Там же. С. 61–62. Здесь П.И. Бирюков цитирует (без ссылки) воспоминания последователя и сотрудника Л.Н. Толстого П.А. Буланже.

²¹ См. письмо К.П. Победоносцева от 16 августа 1879 г.: «Когда художнику не удалась его статуя, или он недоволен, весь металл идет опять в горнило. Впрочем, и то сказать, что всякий художник творит по-своему, и вы бы, если бы выжидали, может быть, никогда и не решились бы выпустить свое произведение» (Литературное наследство. Т. 15. С. 139). Любопытно, что «горнило» здесь употребляется в своем прямом значении — как печь для переплавки металла (или сожжения забракованного романа). Такое «горнило», то есть инструмент ликвидации, Победоносцев только приветствовал. Другое дело – горнило религиозных сомнений, горнило как духовное испытание, требующее твердости и мужества.

концы восторженных ее проповедников – учеников своих»²².

Если бы все же пришлось Победоносцеву запрещать «Братьев Карамазовых», он бы мотивировал запрет именно тем, что ложная идея в романах Достоевского может овладеть слабыми, некрепкими умами: «Так создается почва для неверия, для легкомысленной критики на церковь и легкомысленного от нее отчуждения»²³.

Время от времени идеи Победоносцева в России овладевают умами и берут верх. Но так же, как они торжествуют, так же они и дряхлеют в бессилии. В этом-то как раз можно не сомневаться.

4

Вера держится на незыблемой догме, на том, что Господь создал мир за шесть дней и сотворил Адама и Еву, что Дева Мария, жена плотника, непорочно зачала и родила Сына Господня, Который после распятия на третий день воскрес. Догмат нельзя трогать – иначе может посыпаться все остальное. «Если православие невозможно для просвещенного (а через 100 лет половина России просветится), то, стало быть, всё это фокус-покус, и вся сила России временная. Ибо, чтоб была вечная, нужна полная вера во всё» (11; 179) – такие сомнения одолевали и персонажей Достоевского, и, несомненно, его самого, были предметом их общих религиозных переживаний.

Но если сама догма содержит в себе возможность вражды и раскола? Почему, например, тезис о филиокве (вопрос, от кого именно приходит Святой Дух – лишь от Отца или от Отца и Сына) в XI веке привел к расколу между Римской Католической и Восточной Православной церквями, и согласие не достигнуто до сих пор? Богословы полагают, что на вопрос, был ли Святой Дух послан Отцом, или Отцом и Сыном, не может быть однозначного ответа, да и нет необходимости давать на него ответ. Необходимости давать ответа, может, и нет, но раскол есть, и наличие его мешает многим принять как неоспоримую данность, что только православие хранит в себе всю полноту Истины.

В отличие от догмы наука и творчество своим мотором имеют постоянный пересмотр прежних теорий и концепций, а также стремление получать ответы на свои вопросы. Наука и искусство движутся отрицанием старого и жаждой нового, и жалок тот ученый, тот писатель, тот открыватель духовных миров, кто никогда не был бунтарем духа. Именно из такого бунтарства 33-летнего проповедника, не вполне согласного с догматами и практикой официальной веры своей страны и своего народа, родилось христианство.

Догма – это смерть и для науки, и для искусства. Столкновение между профессиональными догматиками и профессиональными ниспровергателями неизбежно. При этом скептики, у которых принцип мышления – сомневаться в надежности истины, задаются вопросом: хоть один христианин за два тысячелетия вырвал свой правый глаз, по завету Учителя, если этот глаз соблазнился видом красивой женщины? Или если по тем же причинам

²² Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 380.

²³ Там же.

соблазнулась правая рука, хоть кто-нибудь отсек себе руку?²⁴ И много ли христиан жертвовали всем для Господа – своим имуществом, последней рубашкой, бросали близких, оставляли мертвого отца без погребения, чтобы исполнить заповедь «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Матф. 8: 22)?

Скептицизм, связанный с критическим отношением к догматизму в любой его сфере, уже много веков воспринимается ортодоксами как *свободомыслие*, как его прямой синоним. Ортодоксия не признает претензий художников на постижение и разумение Истины «своим умом», а проникновение в русскую жизнь, например, ренессансных идей считает причиной поврежденности православного сознания и мироощущения русского человека XVII века. В этом ключе рассматривается обычно и Ренессанс – не как великое торжество искусств и высвобождение человека от догм и идеологических пут, а как еще большее закабаление сознания новыми догмами и культурной деградацией (секуляризацией культуры). Еще более неприязненно ортодоксия отнеслась к идеалам Просвещения, признававшего за наукой способность человека толковать мироздание, воспевавшего силу человеческого разума, то есть «мудрость мира сего». На это церковь отвечала словами апостола Павла: «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом... Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1 Кор. 3: 19–20).

Главным источником зла ортодоксия считает *гуманизм* и видит *первым гуманистом* ...дьявола, который якобы внушил человеку, что тот может обойтись собственными силами, без Бога, потому что именно человек высшая ценность, венец всего живущего. Но уже многие века лучшие люди культуры и науки почитают гуманизм – мировоззрение, которое утверждает ценность человека как личности, его право на свободу и счастье, на развитие и проявление своих способностей – без всякой дьявольщины. Разве гражданская вера Достоевского – «Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» – не об этом? За гуманизмом стоят такие его первопроходцы, как Данте Алигьери, Леонардо да Винчи, Франческо Петрарка, Джованни Бокаччо, Мишель Монтень, Эразм Роттердамский. Одного лишь Леонардо да Винчи, великого мирового гения и «универсального человека», хватило бы с лихвой, чтобы навсегда оправдать гуманизм. Достоевский, с его символом веры, с его влюбленностью в Христа, несомненно, был в этом же ряду. В одной из самых известных своих дневниковых записей, сделанных у гроба первой жены («Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?») (20; 172)) он записал: «Закон я сливается с законом

²⁴ См.: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Матф. 5: 29–30). Богословы-ортодоксы обязательно требуют трактовать это место Евангелия как иносказание: Христос, говоря языком символов, предлагает отсечь грязную часть человеческой природы во имя сохранения здорового организма.

гуманизма, и в слитии, оба, и *я* и *все* (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно уничтож^{енн}ые друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо. Это-то и есть рай Христов. Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели» (Там же).

Ортодоксия с превеликим трудом терпела всё, что возникало и укреплялось «поперек». Чаше же всего именно *не терпела*. Чтение книг неортодоксального содержания многие века было камнем преткновения для церкви. Запрет на чтение появился еще в XI веке, начиная с Крещения Руси. В «списки отреченных книг», в «индексы ложных трудов», в перечни «неполезных повестей» и «небожественных писаний» попадали сочинения, читать которые по разным причинам запрещалось ортодоксальной церковью. Прежде всего это были апокрифы, трактующие о предметах, содержащихся в Священном Писании, но не признанные Церковью как «бог вдохновенные». Много испытаний прошла и Библия: её запрещали, сжигали на кострах, пытались опорочить; ни одна книга в истории не была так ненавидима и гонима. При этом иудеи и по сей день не принимают Новый Завет, большинство христиан отрицает легитимность апокрифов Нового Завета, некоторые из христиан отрицают вообще все библейские тексты, кроме евангельского учения Христа.

Еще в ранние века своей истории католическая церковь говорила о вреде тех или иных еретических книг. После Никейского Собора были запрещены книги Ария. В 405 году папа Иннокентий I создал список апокрифических книг, папа Лев Великий запретил читать манихейские тексты, а папа Геласий I в 496 году – языческие. В 787 году, на Втором Никейском Соборе было принято распоряжение о том, что еретические книги верующие должны передавать своему епископу, а не держать или тем более скрывать их у себя.

В XVI веке, когда стали распространяться протестантские идеи, были созданы первые каталоги запрещенных книг. Их составляли профессора университетов, специалисты в различных областях науки. Составлением «Index librorum prohibitorum» занималась специальная комиссия кардиналов, которые отмечали в предисловии, что никто не может переписывать, печатать, продавать, покупать, одалживать, дарить, получать, носить с собой, хранить книги, указанные в «Индексе святой инквизиции».

5

Борьба русской церкви против науки и просвещения мало в чем уступала католической церкви. Нападки церкви на науку вынудили М.В. Ломоносова написать в «Регламенте» (1748 г.) академического университета обращение к духовенству, давно вошедшее в энциклопедию его афоризмов: «Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях»²⁵.

²⁵ См.: Сводная энциклопедия афоризмов. М.В. Ломоносов // [Электронный ресурс] URL: <http://enc->

«Не привязываться» к науке Михаил Васильевич требовал не случайно, ибо духовенство выражало крайнее недовольство светским образованием. Как и католическая церковь, русское духовенство активно боролось против учения Коперника и Джордано Бруно, препятствовало развитию астрономии, считало противной православной вере гелиоцентрическую систему и стремилось убедить в этом царствующих особ. Ломоносову пришлось включить в свое знаменитое «Письмо о пользе стекла...» резкую отповедь «невеждам свирепым»²⁶, веками стремящимся погубить научную астрономию.

Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!²⁷

Наука для Ломоносова «есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков, крепость успеха в несчастьи, в счастьях — украшение, везде верный и безотлучный спутник»²⁸.

Поистине гимн науке и научному знанию, гимн гуманизму.

На православных церковных соборах рассматривались и утверждались индексы запрещенных книг. И в XVIII веке синодальное начальство требовало изъять из продажи изданный Академией наук астрономический календарь, ибо обнаружило в нем сведения, к соблазну народному склонные относительно Луны и прочих планет. Оно возражало даже против предпринятого Академией наук издания русских летописей.

В 1757 году в докладе императрице Елизавете члены Синода просили издать указ, дабы «никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами несогласном, под жесточайшим за преступление наказанием, не отваживался»²⁹. Это ходатайство было направлено против Ломоносова, открыто признававшего существование множества миров. Синод требовал, чтобы произведения Ломоносова были сожжены, а сам он подвергнут «увещанию и исправлению»³⁰. Ломоносову, к счастью, удалось отвести от себя обвинения духовенства, и он сумел доказать правоту своих убеждений.

dic.com/aphorism/Mihail-vasilevich-lomonosov-150.html

²⁶ См.: «Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем / И Прометей тем безбедно подражаем. / Ругаясь подлости нескладных оных врак, / Небесным без греха огнем курум табак; / И только лишь о том мы думаем, жалея, / Не свергла ль в пагубу наука Прометей? / Не злясь ли на него, невежд свирепых полк / На знатны вымыслы сложил неправой толк?» // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1950–1959; Т. 8. 1959. С. 516. Ст. 225–233.

²⁷ Там же. Ст. 338–342.

²⁸ См.: Сводная энциклопедия афоризмов. М.В. Ломоносов.

²⁹ См.: Большая биографическая энциклопедия. М.В. Ломоносов // [Электронный ресурс] URL: http://enc-dic.com/enc_biography/Lomonosov-mihail-vasilevich-53575.html

³⁰ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге: В 2-х т. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1870–1873. Т. II. 1873. С. 603–604.

Но духовная цензура работала без передышки. Н.И. Новиков, русский просветитель, по доносу был арестован, заключен в Шлиссельбургскую крепость за активную общественную деятельность, критику религии и церкви. Взгляды, изложенные в книге А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», были найдены противными Закону Божьему, десяти заповедям, Священному Писанию, православию и гражданскому закону. Книгу уничтожили, а автора, «бунтовщика хуже Пугачева» (так назвала Радищева Екатерина II), приговорили к смертной казни, которая была заменена 10-летней каторгой. Спустя сто лет после смерти Радищева «Путешествие...» вновь подверглось осуждению со стороны русской церкви: в 1903 году духовные цензоры нашли, что книга все еще опасна для религии и церкви, и потому весь ее напечатанный тираж был уничтожен.

Духовные власти добивались уничтожения книг «корифея безбожия» Дени Дидро; трактат Поля Анри Тири Гольбаха «Система природы» считался одной из самых страшных книг и называлась «библией материализма». В 1770 году «адскую книгу» предали огню католические инквизиторы и с тех пор ее неоднократно запрещали и в России. Расправу учинили и над книгой Томаса Гоббса «Левиафан»: католическая цензура включила ее в список вредных книг еще в XVII веке и подвергла публичному сожжению. Спустя 200 лет ее осудила и православная церковь, добившись сожжения «Левиафана» в 1874 году. В 1871 году была сожжена и книга Клода Адриана Гельвеция «О человеке».

«Народные русские легенды, собранные Н.А. Афанасьевым», были объявлены в начале 1860-х годов оскорбляющими благочестивые чувства, нравственность и приличия. Мол, основная идея сказок – торжество хитрости, направленной к достижению своекорыстной цели. К тому же в них встречались возмутительные идеи, будто правдою на свете мудрено жить, за правду и в Сибирь угодишь... Нетрадиционность представлений народного «двоеверного» христианства вызвала протесты духовенства, духовная цензура потребовала отыскать средство к охранению религии от печатного кощунства и поругания. Было предписано запретить перепечатывание новых изданий книги, а отпечатанные экземпляры уничтожить.

В 1840-х годах по религиозным мотивам (богоборчество, кощунство, мятежный дух, падение в глубины безверия, демонические соблазны, «с небом гордая вражда»³¹, отрицание догматов с позиций разума, влияние Вольтера и идей Просвещения) были внесены в список запрещенных книг отдельные сочинения Державина, Кантемира, Пушкина, Лермонтова, Белинского; при издании в 1853 году Полного собрания сочинений Гоголя из его произведений по требованию духовных властей исключили многие места, которые были найдены оскорбительными для церкви. В издании 1889 года собрания сочинений Лескова был растерзан шестой том – произведения из жизни духовенства; тираж книги уничтожен³². В 1893 году была предпринята попытка

³¹ Отзыв В.Г. Белинского в письме В.П. Боткину от 17 марта 1842 г. о поэме Лермонтова «Демон».

³² В письме своему врачу Л.Б. Бертенсону от 5 октября 1889 года Н.С. Лесков сообщал: «Попы толстопузы»

издать в России сочинения Герцена, но из четырех тысяч страниц его сочинений цензура вымарала больше трех тысяч, и издание не увидело света.

Еще в 1847 году было отдано распоряжение не допускать к изданию французские романы, несмотря на то, что они при переводах до такой степени переделывались, что в них не оставалось ничего вредного. Так, в 1860-х годах под духовный запрет попал роман Ж. Верна «Путешествие к центру Земли»: цензоры усмотрели в нем пропаганду материализма, подрывающего доверие к Священному Писанию и духовенству. Книга была признана безнравственной, и в марте 1867 года министр внутренних дел П.А. Валуев распорядился удалить книгу из библиотек гимназий и училищ.

Церковные власти строго запрещали книги Генриха Гейне. Не пощадили нобелевского лауреата (1921) Анатоля Франса: в 1922 году его сочинения были включены в католический «Индекс запрещенных книг». Запретам подвергались Эмиля Золя и Густав Флобер.

Нет нужды доказывать, что мнения русских писателей, в том числе и Достоевского, об этих именах были весьма далеки от позиции светской и духовной цензуры. Приведу всего один пример. Несмотря на скандальную репутацию романа Флобера «Госпожа Бовари» (французского писателя у себя на родине обвиняли в оскорблении морали и даже привлекали к суду), Достоевский не обошел вниманием этот роман. А.Г. Достоевская, находясь с мужем в Германии, писала в дневнике 1867 года: «Когда мы проходили мимо книжного магазина [я] предложила Феде зайти туда. Мы зашли и у приказчика <...> просили показать книг. Мы выбрали два тома романа Gustave Flaubert “Madame Bovary”, роман, про который Тургенев отнесся, как про самое лучшее произведение во всем литературном мире за последние 10 лет»³³. По воспоминаниям В. Микулич, Достоевский и сам высоко ценил этот роман³⁴. Приведу любопытную подробность из романа «Идиот»: князь Мышкин, осматривая комнаты Настасьи Филипповны, «увидел на столике развернутую книгу из библиотеки для чтения, французский роман “Madame Bovary”, заметил, загнул страницу, на которой была развернута книга, попросил позволения взять ее с собой и тут же, не выслушав возражения, что книга из библиотеки, взял ее себе в карман» (8; 499)³⁵.

поусердствовали и весь VI том мой измазали. Исчеркали даже роман “Захудалый род”, печатавшийся у Каткова... Вот каково “муженеиство”. Это то, что Мицкевич удачно называл “kaskady tyranstwa”... Какие от этого облатки и пилюли принимать надо?.. Что за подлое самочинство и самовластие со стороны всякого прохвоста!» (Русская мысль. 1915. № 10. С. 90). А на подаренном Бертенсону экземпляре запрещенного тома Лесковым была сделана следующая надпись: «Божиим попущением книга сия сочтена вредною и уничтожена мстивостью чревонеистового Феоктистова подлого ради угождения Лампадоносцеву» (Там же). См. также: *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 11. С. 742. Примечания И.Я. Айзенштока.

³³ *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. С. 141.

³⁴ См.: *Микулич В.* Встречи с писателями. Л.: Изд-во писателей, 1929. С. 155.

³⁵ Как замечательно совпали вкусы таких разных литераторов, каковыми были Достоевский, Тургенев и Набоков в отношении к роману Флобера! Набоков писал: «Девушки Эммы Бовари никогда не было; книга “Госпожа Бовари” пребудет вовеки. Книги живут дольше девушек. В книге присутствует тема адюльтера и есть ситуации и намеки, которые скандализовали ханжеское, мещанское правительство Наполеона III. Более того, роман преследовался по суду за непристойность. Только представьте себе. Будто произведение художника бывает непристойно. Рад сообщить, что Флобер выиграл дело. Случилось это ровно сто лет

Ханжеские запреты не оказывали никакого воздействия ни на писателей, ни на героев их романов.

Меж тем преследованиям духовенства подвергались труды по геологии, биологии, ботанике, физиологии, истории, философии. Книга И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1866) по настоянию духовных цензоров попала в список запрещенных книг и была арестована; автора намеревались сослать в Соловецкий монастырь для смирения и исправления. Чтение трудов Ч. Дарвина в России запрещалось, его книги уничтожались. Детям на уроках внушали, что Дарвин – богоотступник, теория его – еретическая и противоречит Библии. Лишь после отмены в 1861 году крепостного права Церковь стала постепенно отказываться от открытых и грубых нападок на науку.

Сейчас, похоже, это движение пошло в обратную сторону – по пути архаизации и введения единомыслия. В 2003 году представителями РПЦ была осуждена серия книг о Гарри Поттере, поскольку герой-волшебник может приохотить детей к общению со злом и к увлечению магией. 10 октября 2007 году, накануне выхода в продажу русского перевода книги Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти», активисты Союза православных хоругвеносцев (лозунг «Православие или смерть!») провели акцию сожжения – она прошла на Берсеневской набережной, напротив Храма Христа Спасителя. Подойдя к Патриаршему мосту с пением тропаря Кресту Господню, хоругвеносцы разорвали на части книгу и подожгли ее. «Мы – священная инквизиция, поэтому как боролись с ересью, так и будем с ней бороться»³⁶, – провозгласил руководитель СПХ Л. Симонович-Никшич; в 2006 году Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил его орденом Святого Преподобного Сергия Радонежского третьей степени. «Священная инквизиция» в последние годы подвергала сожжению также книги В. Сорокина, В. Соловьева, Э. Радзинского, Дэна Брауна, работы по теории дарвинизма и истории атеизма. На одной из своих акций хоругвеносцы положили в черный деревянный гроб рыжего игрушечного орангутанга с табличкой на груди «Дарвинизм. Атеизм» и вбили в грудь игрушке осиновый кол.

Маргинальные инквизиторы пока, к счастью, остерегаются сжигать еретиков...

***

«Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих», – говорит Писание. Но герои Достоевского – это именно такие люди. И он сам, бывший бунтарь, которому никакая догма не могла помешать работать в формате художественной правды. Горнило сомнений Достоевского – это мотор его художественной мысли, кислород его метафизики, питательная среда его творчества. Невозможно представить себе романы Достоевского, где все герои тверды на всех путях своих, лишены сомнений и недоумений. Догматик и

назад. А в наши дни, в наше время...» (Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 1998. С. 183–184).

³⁶ См.: Православные отправили Гарри Поттера на костер инквизиции // Коммерсант. 2007. 10 октября.

ортодокс не в состоянии создать ничего из тех мировых шедевров, что создал Достоевский.

Как рождается сомнение? Прочитую шуточное стихотворение 1882 года, сочиненное в Ясной Поляне Львом Толстым для почтового ящика, который висел в передней его дома и куда опускали свои опусы все, кто хотел. Героини стихотворения: Татьяна Кузминская и две ее дочери, Маша и Вера.

При погоде, при прекрасной / Жили счастливо все в Ясной.
 Жили веселясь. / Вдруг пришло на мысль Татьяне,
 Что во Ясной во Поляне / Нельзя вечно жить.
 Говорит себе Татьяна: / Нужно поздно или рано
 Детям аттестат. / Отдам девочек в науку.
 Произведу во всяку штуку. / Будут за мамзель.
 Накупили книг, тетрадей, / Рады ль девочки, не рады,
 Стали обучать. / И учили без печали.
 Но, когда Закон начали, / Дело не пошло.
 Никак Маша не усвоит. / А уж Вера в голос воет:
 Не люблю Закон. / И, бедняжка, разбирая
 Смысл изгнания из рая, / Вера говорит:
 «Нам велят учить Закон. / Как Адама выгнал вон
 Вместе с Евой Бог. / А учить это обидно,
 Потому что ясно видно, / Что не надо знать».
 Ведь за что изгнан Адам? / Говорит сама madame:
 За curiosité. / Они много уж узнали.
 Их за то взашей прогнали. / А я не хочу.
 И не знает теперь мать, / Что на это отвечать,
 Точно, мудрено!»³⁷

Для справки: английским словом curiosity³⁸ – был назван американский марсоход третьего поколения, мягкая посадка которого состоялась в августе 2012 года. Название было выбрано в 2009 году среди вариантов, предложенных школьниками, путем голосования в сети Интернет.

А из российских школ предмет «астрономия» исчез – накануне 2009 года, объявленного Генеральной ассамблеей ООН Международным годом астрономии: как раз исполнялось 400 лет наблюдениям звездного неба через телескопы. В 1609 году Галилей увидел, что на Луне есть горы, а на Солнце пятна, что у Юпитера есть спутники, у Сатурна кольца, а Млечный путь состоит из звезд.

Мы же теперь, будто под гипнозом самозванной «священной инквизиции», в небо через трубу смотреть не будем, считая, что такое curiosité святотатственно. И в самом деле – еще одна группа православных активистов начала в 2013 году собирать подписи в Интернете за полный запрет на преподавание астрономии в российских школах и вузах, ибо на уроках подвергается критике постулат веры об исключительности нашей планеты и

³⁷ См: Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1913. С. 116.

³⁸ Curiosité — любопытство (франц.); curiosity — любопытство (англ.).

нашего мира³⁹. Может ведь возникнуть тяжелое сомнение: если Бог сотворил не только нашу планету, но и всю Вселенную, Ему абсолютно бесполезно молиться. Нечего и надеяться, что сила, создающая гигантские черные дыры, шаровые звездные скопления, галактики, темную материю и космический мусор, обеспечит человеку осанну и рай.

Герои повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», полковник Егор Ильич Ростанев и его образованный племянник Сережа, горячо обсуждают вопрос: учить ли темных неграмотных крестьян астрономии, как это пытается делать невежественный Фома Фомич Опискин, *астролом, все божии планиды узнавший* (3; 35). «Наука эта не нашинская, а барская» (Там же), – горько жалуется мужик, один из тех, кто подвергся заносчивому наскоку Фомы – сколько, дескать, до солнца верст? «Земля, – хочет смягчить раздосадованного мужика ласковым объяснением Егор Ильич, – это, видишь, как шар круглый, – понимаешь?.. Да, как шар! Она так на воздухе и держится сама собой и кругом солнца ходит. А солнце-то на месте стоит; тебе только кажется, что оно ходит. Вот она штука какая! А открыл это все капитан Кук, мореход... А черт его знает, кто и открыл. Сам-то я, брат, ничего не знаю...» (3; 35–36).

«Необразованность есть то же неряшество» (3; 36), – завершает спор ученый племянник, и дядюшка пламенно соглашается. «Именно, именно, именно неряшество! – подхватил дядя в восторге от моего выражения, которое показалось ему чрезвычайно удачным. – Благородная мысль! Именно неряшество! Я это всегда говорил... то есть я этого никогда не говорил, но я чувствовал» (Там же).

Приведу красноречивый штрих «от Версилова» к образу любознательного простолюдина, дворового человека Макара Ивановича Долгорукого («Подросток»). «Дворовые и слуги чрезвычайно много разделяли интересов частной, духовной и умственной жизни своих господ в былое время... Макар Иванович до сих пор всего больше интересуется событиями из господской и высшей жизни. Ты еще не знаешь, до какой степени интересуется он иными событиями в России за последнее время. Знаешь ли, что он великий политик? Его медом не корми, а расскажи, где кто воюет и будем ли мы воевать. В прежнее время я доводил его подобными разговорами до блаженства. *Науку уважает очень и из всех наук любит больше астрономию*. При всем том выработал в себе нечто столь независимое, чего уже ни за что в нем не передвинешь» (13; 312. Курсив мой. – Л.С.).

Астрономия не повредила в светлом и лучезарном персонаже Достоевского его религиозности, чистосердечия, незлобивости...

Солженицын, сосланный в 1953 году из Экибастузского каторжного лагеря в Кок-Терек (Южный Казахстан), преподавал ученикам-казахам местной поселковой школы полноценный курс астрономии, и дети, не избалованные

³⁹ См., напр.: Майоров Е. Православные активисты потребовали запретить астрономию в России // [Электронный ресурс] URL: http://kremlnews.ru/posts.html?p2_articleid=1502; Православные активисты ополчились против астрономии // [Электронный ресурс] URL: <http://russian.rt.com/inotv/2013-02-10/Pravoslavnie-aktivisti-opolchilis-protiv-astronomii>.

науками, жадно учились, предпочитая вечерние астрономические наблюдения посещению кинотеатра. В американском изгнании писатель показывал звездное небо своим подросткам; они разглядывали и запоминали созвездия, а потом чертили на доске основные линии небесной сферы. Уроки астрономии всемерно способствовали духовному развитию и казахских, и русских детей.

Ныне ректор Московского государственного университета В.А. Садовничий, а вместе с ним ведущие ученые страны считают, что астрономия должна вновь войти в число обязательных школьных предметов, а в вузах необходимо возродить подготовку учителей астрономии, ибо астрономия – это знания, которые должен иметь каждый культурный человек: нельзя жить в XXI веке, не понимая, что такое звезды и планеты, что такое материя и космос, почему он вечен и бесконечен.

Однако наиболее радикальные православные подписанты призывают к закрытию всех обсерваторий и планетариев страны, а также требуют запретить продажи телескопов с кратностью увеличения более 40. С этими призывами они намерены в ближайшее время обратиться в открытых письмах к Патриарху и к президенту России⁴⁰.

Эти люди, видимо, полагают, что без астрономии и сильных телескопов осанна наступит скорее...

Вопрос в том, как скоро появятся у нас свои Галилеи и свои Декарты.

---

⁴⁰ См.: *Майоров Е.* Православные активисты потребовали запретить астрономию в России.